

УДК 327

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

© 2024 ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра средиземноморских исследований ФМЭиМП НИУ ВШЭ

115184, Россия, Москва, М. Ордынка ул., 17, К. 310

E-mail: apivovarenko@hse.ru

Поступила в редакцию 19.03.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В последние два года наблюдается нарастание присутствия Турции в Юго-Восточной Европе в сферах оружейного экспорта, военно-дипломатических и военно-технических связей. Активное выстраивание двусторонних связей Анкарой балансируется некоторым ослаблением турецкого присутствия по линии стабилизационных миссий в Боснии и Косово. Турецкая Республика развивает новые многосторонние форматы, о чем свидетельствует возникновение противоминной коалиции в составе Турции, Болгарии и Румынии в январе 2024 г. Сделан вывод, что Анкара заинтересована в стабилизации отношений с европейскими акторами с целью подключения Турции к общим военно-техническим форматам. Кроме того, взаимодействие со странами Европы необходимо для завершения модернизации турецкой армии. Действия Турецкой Республики выступают практическим выражением концепций турецкой стратегической автономии и хеджирования рисков, которые в последние годы активно обсуждаются на теоретическом и концептуальном уровнях.

Ключевые слова: Турция, ЕС, НАТО, Греция, Балканы

DOI: 10.31857/S0201708324070131

К вопросу о турецкой стратегической автономии

В условиях активизации турецкой внешней политики актуальным становится рассмотрение роли фактора силы в формировании приоритетов Анкары. В российской научной литературе можно выделить специализированные работы, концентрирующиеся на внутренних процессах в вооруженных силах Турции с минимальным учетом политического контекста [Щербинский, 2023]. Исследования общего

политического профиля анализируют военные тенденции на макроуровне. Центральными в этих работах выступают понятия «турецкая стратегическая автономия» и «стратегическое хеджирование», через которые объясняются принципы турецкого внешнеполитического маневрирования [Шлыков, 2023].

П.В. Шлыков выделяет три основных компонента турецкого автономизма: создание высокотехнологичного оборонного комплекса, примат исламской идентичности и формирование гибких альянсов «с разными странами в разных сферах для достижения конкретных внешнеполитических целей» [Шлыков, 2023: 142–145]. Стамбульский центр политических исследований также определяет три элемента стратегической автономии Турции: снижение зависимости от США и европейских стран в области безопасности, формирование системы гибких союзов и ситуационных объединений, развитие отношений с Россией и Китаем как лидерами незападного мира [Arap, 2024: 5].

Таким образом, процессы в турецкой армии и ВПК изучаются либо изолированно, либо как компонент общей стратегии. Однако не менее важно понять, как обозначенные подходы реализуются на региональном и субрегиональном уровнях, что в военно-политическом отношении подразумевает выявление структурных связей и их влияние на конъюнктуру региона.

Задача исследования – рассмотреть военный аспект турецкого присутствия в Юго-Восточной Европе (Балканский полуостров), где интересы Анкары выражены не менее явно, чем на Ближнем Востоке или в Закавказье, но силовое присутствие преимущественно осуществляют западные акторы. В последние два года выросла турецкая активность по линии поставок вооружений, военной дипломатии и военно-технического сотрудничества.

Анализ экспертного дискурса и тенденций военного строительства позволит проанализировать проблему военно-политического присутствия Турции с учетом перспективных тенденций, а также определить место Юго-Восточной Европы в логике стратегического хеджирования. Учитывая, что Балканы практически полностью находятся в сфере евроатлантического влияния, статья дает возможность лучше понять процессы по линии Турция – НАТО.

Юго-Восточная Европа и турецкая стратегическая культура

В рамках исследования под понятием Юго-Восточная Европа (Балканы) понимается три региональных субкомплекса: Западные Балканы, бассейн Эгейского моря и Западное Причерноморье, географически относящееся к Балканскому полуострову. Расширительное понимание объекта исследования обусловлено историческими закономерностями турецкой региональной политики, охватывающей все ключевые районы Балканского полуострова. Именно такой подход характерен для турецкого экспертного сообщества, отвергающего понятие «Западные Балканы» и рассматривающего регион в едином комплексе с Турецкой Республикой Северного Кипра, Молдавией, Украиной, Белоруссией и Венгрией [Гришин, Исламов, 2023: 99].

В ходе серии военных конфликтов 1910–1920-х гг. Турция лишилась практически всех европейских владений, была атакована соседями и подверглась иностранной интервенции. В межвоенный период Анкара пошла по пути нормализации отношений с географическими соседями: Грецией, Румынией и Югославией. Во время Второй мировой войны Турецкая Республика уклонялась от блоковой политики, лавируя между Британией и Германией. После войны линия на нормализацию была продолжена посредством создания 26 февраля 1953 г. Балканского пакта, куда вошли Греция и Турция (страны НАТО с 1952 г.), а также Югославия, оказавшаяся в положении буферного государства между советским и западным блоком.

Как подчеркивает Ю. Гюнгер (Башкентский университет), после вступления в НАТО Турция «оказалась в тихой заводи» международной политики, подчинив собственные интересы стратегическим целям альянса. Национальные приоритеты заключались в обеспечении безопасности, политической устойчивости и проведении внутренней модернизации [Güngör, 2015: 20–21, 32]. Стабильность на Балканском полуострове позволила сосредоточить внимание на других приоритетных направлениях. В частности, в 1958 г. Турция не подписала Женевские конвенции по морскому праву и пошла на пересмотр режима судоходства в Восточном Средиземноморье, установленного Лозаннским мирным договором 1923 г., что сформировало предпосылки Эгейского вопроса, или «проблемы шельфа», в турецко-греческих отношениях [Гудев, 2022: 40–41].

Согласно С. Атешоглу (Университет Кларксона), Кипрский кризис и последовавшее за ним эмбарго на поставку вооружений со стороны США укрепили турецкое руководство во мнении о необходимости развития собственной технологичной военной промышленности [Ateşoğlu, 2024: 45]. Ю. Гюнгер утверждает, что активное участие страны в международных миротворческих миссиях 1990-х гг. на Балканах и Ближнем Востоке не только «укрепляло переговорные позиции Турции в отношениях с Западом», но и способствовало модернизации вооруженных сил. Анкара стремилась заслужить признание в качестве «поставщика стабильности» и «ответственной региональной державы» [Güngör, 2015: 34, 36–37, 39].

В начале 2010-х гг. в турецком внешнеполитическом сообществе возникло утверждение, что Турция выступает для НАТО «функциональным союзником», а не стратегическим партнером. Из этого делался вывод о вероятности нарастания противоречий с альянсом [Aybet, 2012: 19]. В последние годы развитие получил тезис о цивилизационной исключенности Турции из западноцентричных механизмов и институтов, растущем чувстве недоверия в отношениях Анкары и Брюсселя [Айяр, Арслан, 2023: 126–127]. Поиск ответа на вопрос о существовании исключенности на уровне низовых военных контактов и по линии военнотехнических связей позволяет конкретизировать предмет исследования, который можно свести к гипотезе, что рост стратегической автономии должен привести к снижению качества взаимодействий Турции с НАТО.

Тенденции турецкого военного строительства и стратегическое балансирование

При анализе процессов в турецкой армии и военно-промышленном комплексе можно выделить несколько тенденций. Во-первых, повышается самодостаточность турецкого ВПК, что выражено в снижении внешней технологической зависимости с 70 до 30%, увеличении количества национальных военно-технологических компаний до более чем полутора тысяч в 2020 г. Следствием стал рост объема турецкого экспорта более чем в 12 раз по сравнению с началом 2000-х гг. [Шлыков, 2023: 142–143].

Во-вторых, к концу 2010-х гг. руководству Турции удалось снизить политическую роль армии, повысить управляемость вооруженных сил, приступить к осуществлению бюджетных вливаний в военную отрасль (с ростом в 5–7% ежегодно) и запустить программы технического перевооружения. В результате, как отмечает А.В. Соснов, «роль вооруженных сил в турецком обществе и государстве не отличается от той, которую в своих странах играет большинство европейских армий» [Соснов, 2019: 52, 62–63].

Рассматривая Долгосрочный план развития ВС Турции до 2033 г. и другие доктринальные документы, военный исследователь В. Щербинский предполагает, что приоритетами Анкары выступают завершение технического и организационного перевооружения сухопутных войск, введение новых образцов вооружения и освоения новых методов военных действий. Ключевая задача – принятие на вооружение военной техники собственного производства – танков, броневых автомобилей, самоходной и буксируемой артиллерии, истребителя пятого поколения «Каган» (*TF Kaan*), нового ударного БПЛА «Байрактар Красное яблоко» (*Bayraktar Kızılelma*). Итогом реорганизации вооруженных сил должно стать повышение боевого потенциала в 1,3–1,5 раз [Щербинский, 2023: 42–45] при сокращении численности личного состава¹. Многие важные проекты реализуются в партнерстве с Германией, например разработка основного боевого танка «Алтай» (*Altay*), и Британией – участие в программе по созданию экспериментального истребителя пятого поколения (*Turkish Fighter-Experimental, TF-X*) и разработка многоцелевых дисплеев для боевых самолетов.

Развитие ВМС Турции основано на программе обновления и модернизации военно-морского флота до 2030 г., что предусматривает строительство четырех фрегатов, двух танкодесантных кораблей, а также шести подводных лодок с 2022 по

¹ По данным справочника «Военный баланс» (*The Military Balance*), численность ВС Турции на 2023 г. оценивается следующим образом: сухопутные силы – 260,2 тыс. чел., ВВС – 45 тыс., ВМС – 50 тыс., военизированные формирования и жандармерия – 156,8 тыс. Численность резерва – 378,7 тыс. (сухопутные силы – 258,7 тыс., ВМС – 55 тыс., ВВС – 65 тыс.). *The Military Balance 2023*. Routledge. 2023. P. 141.

2027 г.¹ [Болдырев, 2020: 108–109]. 10 апреля 2023 г. спущен на воду десантный корабль «Анадолу» (*TCG Anadolu*) с функцией авианосца для дронов, разработанный турецко-испанским холдингом «Седеф-Навантия» (*Sedef-Navantia*). В 2017 г. «Туркиш дефенс индастриз» (*Turkish Defense Industries*) и немецкая «Тиссенкрupp марин системс» (*thyssenkrupp Marine Systems*) заключили контракт на производство 6 подводных лодок типа 214 для ВМС Турции.

Массовое использование вооруженных сил до достижения целей в области военного строительства нежелательно для Анкары. По этой причине Турции необходимо «хеджировать риски», т. е. обеспечить предсказуемость на одном или нескольких географических направлениях. В этом случае нежелательный сценарий – возникновение кризисных тенденций одновременно в нескольких субрегионах.

Анализируя тенденции развития ВМС Турции, А.В. Болдырев утверждает, что в 2019–2020 гг. Турция переориентировала военную политику с Черноморского на Восточно-Средиземноморское направление. Силовое давление по вопросу кипрского шельфа осуществлялось «в расчете на то, что ЕС окажется не готов к прямому столкновению с вооруженными силами Турции» [Болдырев, 2020: 109, 111].

Для повышения ставок в восточно-средиземноморском вопросе в 2019–2020 гг. требовалось взаимопонимание с Москвой по поводу ситуации в Черноморском регионе после 2014 г. и в связи с началом программы модернизации Черноморского флота РФ [Болдырев, 2020: 107–108]. Несмотря на то что Москве и Анкаре удалось выработать эффективный механизм управления кризисами, ни один из спорных вопросов не был разрешен окончательно [Айяр, Арслан, 2023: 128]. Военно-техническое сотрудничество с ВМС Украины в 2024 г. свидетельствует о том, что Черноморский регион остается приоритетным для Турции.

Турецкое военно-политическое присутствие в Юго-Восточной Европе

Политико-экономическая напряженность в Восточном Средиземноморье не привела к заморозке военно-технических контрактов Турции с западными странами. На Балканах в последние годы у Анкары возникло несколько новых возможностей, что позволяет классифицировать турецкое присутствие в регионе по нескольким типовым категориям.

Двусторонние военно-технические отношения. В последние годы развивается оружейный экспорт в Албанию, Северную Македонию, Косово² и Румынию. Благодаря турецким поставкам перечисленные территориально-политические образования могут обновить вооруженные силы относительно дешевым способом. В отличие от США и в некоторой степени Франции, Турция предоставляет новые образцы техники, недавно принятые на вооружение в турецкой армии. В частности, Северная

¹ В 2023 г. основу турецких ВМС составляли 16 фрегатов, 10 корветов, 35 патрульных кораблей, 15 миноносцев, 12 (по другим данным 14) подводных лодок, 43 десантных корабля (в т. ч. 5 танкодесантных). *The Military Balance 2023*. Р. 142–143.

² Согласно Резолюции № 1244 СБ ООН является частью Сербии.

Македонию получила 18 единиц 105-мм гаубиц «Боран 1» (*Boran 1*). Эта артиллерийская система нового типа поступила в ВС Турции в декабре 2022 г.¹ В июле 2021 г. Анкара передала Скопье партию стрелкового вооружения под предлогом увеличения взаимодействия в рамках миротворческих операций.

В мае – июне 2023 г. региональные источники отметили поставки в Косово партии стрелкового вооружения и бронеавтомобилей. 16 июня 2023 г. Приштине передан дрон «Байрактар ТБ2» (*Bayraktar TB2*)². Следующим шагом стало подписание 29 января 2024 г. соглашения о военном сотрудничестве, в котором обговорены поставки вооружений, логистическая поддержка и обмен разведанными³. Три БПЛА были переданы Албании в декабре 2022 г.

Сближение Турции с Албанией, Косово и Северной Македонией принято объяснять идеологическими и цивилизационными мотивами. Однако не менее важен прагматический компонент. Двусторонние отношения Анкары и Приштины компенсируют для последней недостаток интеграции по линии НАТО. Для Северной Македонии сотрудничество с Турцией выступает способом уравновесить влияние Греции и Болгарии, оказывающих давление на Скопье по вопросам государственной идентичности.

Во второй половине 2010-х гг. активно развивалось сотрудничество Турции и Сербии, которое сопровождалось широким пакетом двусторонних соглашений и теплой дипломатической риторикой. Однако после турецких поставок в Косово летом 2023 г. президент Сербии и министерство иностранных дел фактически обвинили Турцию в передаче наступательного вооружения Приштине. В стратегическом отношении предмет беспокойства Белграда – становление Косовских сил безопасности в качестве полноценной армейской структуры.

Присутствие Анкары не ограничивается странами Западных Балкан. В апреле – октябре 2023 г. Турция предоставила Румынии 18 БПЛА *Bayraktar TB2*. Ожидается поставка 24 беспилотных летательных аппаратов в Польшу до конца 2024 г.⁴

4 октября 2024 г. стало известно о заключении контракта на поставку 1059 бронеавтомобилей *Otokar Cobra II* («Отокар Кобра-2») по линии министерства обороны Румынии. Сумма сделки составила 934 млн долл. В ходе тендера компания «Отокар» выиграла у американской корпорации «Ошкош» (*Oshkosh*). Вероятно, конкурентное

¹ North Macedonia orders Boran 105mm towed howitzers from Türkiye. Army Recognition. 16.01.2023. URL: https://www.armyrecognition.com/defense_news_january_2023_global_security_army_industry/north_macedonia_orders_boran_105mm_towed_howitzers_from_turkiye.html (дата обращения: 03.12.2023).

² Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. Доклад Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ. Москва. 2024. С. 88–89.

³ Kosovo and Turkey sign an agreement on military cooperation. Koha.net. 29.01.2024. URL: <https://www.koha.net/en/arboretum/407462/Kosovo-and-Turkey-sign-an-agreement-for-military-cooperation/> (дата обращения: 21.09.2024).

⁴ Poland receives its third set of Bayraktar TB2 Turkish drones. Aviacionline. 06.10.2023. URL: <https://www.aviacionline.com/2023/10/poland-receives-its-third-set-of-bayraktar-tb2-turkish-drones/> (дата обращения: 18.01.2024).

преимущество заключалось в положении, в соответствии с которым только 278 автомобилей будут поставлены из Турции, а остальные будут собраны в Румынии¹.

В результате можно констатировать, что в 2023 г. Турция начала проникновение на европейские оружейные рынки, развивая связи за пределами Балканского полуострова и разворачивая элементы производства за рубежом. В ближайшем будущем могут быть осуществлены поставки в другие страны. Например, Латвия также проявляет интерес к продукции турецкой военной промышленности².

Участие в формате многонациональных боевых групп НАТО (МБГ; *NATO Multinational Battlegroups*). Формат МБГ возник в 2014 г. как выражение установки НАТО на сдерживание России. В марте 2022 г. созданы 4 группы бригадного уровня на территории Болгарии, Румынии, Словакии и Венгрии.

Согласно существующей организационной структуре, Турция должна делегировать контингенты в МБГ, расположенные в Болгарии и Венгрии. При этом Анкара не получила функции командующей страны³ ни в одной из четырех новых боевых групп. Такую роль получили Франция (МБГ в Румынии) и Италия (МБГ в Болгарии), ранее не имевшие структурированного военного присутствия на западном побережье Черного моря. Турецкое участие в комплектовании МБГ близко к уровню малых стран.

Участие Анкары в формате многонациональных боевых групп не соответствует военному потенциалу страны. Институционально присутствие Турецкой Республики уравнивается усилением позиций европейских стран. Среди политических причин могут фигурировать сомнения Брюсселя в блоковой лояльности Турции, внимание к исторической психологии малых балканских стран, заинтересованность европейских акторов в секьюритизации собственного присутствия в экономически важных регионах и удержании под контролем трансрегиональной логистики. Анкара, в свою очередь, не стремится устраивать демарши, направляет войска для региональных учений и инициирует собственные многосторонние соглашения. В частности, Меморандум о противоминной борьбе в Черном море (*Mine Countermeasures Black Sea, MCM Black Sea*), заключенный Турцией, Болгарией и Румынией 10 января 2024 г., получает дальнейшее развитие в формате учений в Черном море.

Активность в рамках военно-полицейских миссий в Боснии и Герцеговине и Косово. С начала 1990-х гг. Турция является партнером Запада в поддержании стабильности на Балканах. Однако в 2022–2023 гг. изменился характер турецкого присутствия в рамках миссий в Боснии и Герцеговине и Косово. Снизилась роль Анкары в миссии Евросоюза в Боснии и Герцеговине (*EUFOR Althea*). До 2022 г. состав

¹ Romania: Otokar wins multi-million deal for Cobra II armoured vehicles. Defence Industry Europe. 06.10.2024. URL: <https://defence-industry.eu/romania-otokar-wins-multi-million-deal-for-cobra-ii-armoured-vehicles/> (дата обращения: 06.09.2024).

² Türkiye, Latvia to strengthen defense industry cooperation: Turkish foreign minister. Anadolu. 22.10.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkiye-latvia-to-strengthen-defense-industry-cooperation-turkish-foreign-minister/3370209> (дата обращения: 08.11.2024).

³ Подразумевает направление в регион дислокации военного подразделения, которое становится «сердцевиной» для формирующейся боевой группы, и взятие на себя оперативного командования.

многонационального батальона, несущего основную оперативную нагрузку, комплектовался усилиями Австрии, Венгрии и Турции. В последний год контингенты направили Румыния, Нидерланды и Германия, что привело к уменьшению доли турецкого компонента. Сегодня на старших командных должностях находятся представители ЕС (Австрия, Венгрия, Румыния). Ранее одну из должностей, как правило, занимал турецкий офицер.

С другой стороны, в 2023 г. усилилось турецкое присутствие в Косово (миссия НАТО «Силы для Косово»; *Kosovo Force, KFOR*). В ответ на всплеск насилия летом – осенью 2023 г. Турция направила дополнительный контингент численностью в 500 чел. на период с 6 июня по 5 сентября 2023 г. (в дополнение к 369 военнослужащим). Переброска турецких войск осуществлялась сухопутным образом через территорию Болгарии – страны ЕС, что означает стирание формальных статусных границ в сценариях антикризисного реагирования. С октября 2023 г. по октябрь 2024 г. командующим *KFOR* был генерал-майор турецкой армии Озкан Улюташ. Таким образом, в течение года Турция являлась полноценным гарантом безопасности в зоне замороженного конфликта. Вместе с тем пост командующего вернулся к представителю Италии, а основные должности среднего звена в военной структуре миссии занимают граждане США и европейских стран.

Европейские факторы сдерживания

Визит Р.Т. Эрдогана в Грецию в декабре 2023 г. (первый за 6 лет) и последовавшее вслед за этим объявление о присоединении Греции и Турции к европейскому проекту противовоздушной обороны «Небесный щит» (15 февраля 2024 г.) свидетельствуют о том, что Турция предпочитает деэскалацию отношений с Афинами в восточно-средиземноморской конфронтации 2019–2023 гг. как компонент нормализации отношений с Европой [Yeşiltaş, Öztürk, 2023: 16–17]. Такой сценарий полностью вписывается в логику балансирования и хеджирования рисков.

Нормализации сопутствовали несколько факторов, прежде всего рост с 2016 г. взаимного недоверия между Турцией и США [Яковлева, 2023: 116]. Активизация военно-политических контактов Вашингтона и Афин с 2018 г. привела к созданию на территории Греции пяти новых военных объектов Соединенных Штатов, что подтвердило продленное 13 мая 2021 г. Соглашение о военном партнерстве, допускающее американское присутствие на 8–9 греческих военных объектах. В 2024 г. ожидается задействование военных объектов на островах Лемнос и Скирос в Эгейском море. Таким образом, американские войска будут находиться в близости от военных объектов Мраморного моря, города Измир, а также верфи Гёльджюк, которая является центром турецкого военного кораблестроения. Под американским прикрытием находится город Александропулис (восточная Греция, военная база «Яннули»), где с декабря 2023 г. располагается плавучий терминал СПГ и проходят другие важные региональные коммуникации.

Риски обвала отношений по линии Турция – ЕС хеджировались толерантной позицией Германии, блокировавшей введение чувствительных санкций и оружейного эмбарго в отношении Анкары. Однако с середины 2021 г. в немецких внешне-

политических кругах стало формироваться мнение, что Турция становится «нестабильным партнером в вопросах безопасности» и даже «более принципиальным противником, чем Россия или Китай» [Seufert, 2021].

Кроме того, оборонное соглашение Франции и Греции (27 сентября 2021 г.) может быть интерпретировано в антитурецком ключе. Несмотря на существование расхождений в трактовке политической части договора (греческая сторона настаивает на том, что он подразумевает дополнительные двусторонние гарантии безопасности, французская – отрицает это) [Tetrais, 2021], не подвергаются сомнению французские обязательства по поставкам вооружений. Более того, передача Греции новейших французских фрегатов среднего класса «Белхарра» (*Belharra*), а также корветов класса *Gowind* («Говинд») осуществляется с опережением графика¹.

Согласно мнению британского Королевского объединенного института оборонных исследований (*Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI*), сближение Анкары и Москвы по вопросу газового хаба в октябре 2023 г. «повышает риски для Турции и соседних стран» [Sabadus, 2023]. Эта оценка послужила обоснованием конкретных действий, а именно передачи в распоряжение Греции фрегатов «Монтроз» (*HMS Montrose*) и «Монмут» (*HMS Monmouth*), выведенных из состава британского флота².

* * *

Как отметил колумнист газеты «Хюрриет» (*Hürriyet*) Седат Эргин, Турция завершает столетний этап, в ходе которого внешние отношения развивались в основном мирно³. Остается открытым вопрос, в какую сторону может быть обращен постепенно нарастающий турецкий военный потенциал. Внешняя политика Турции продолжает развиваться в логике «хеджирования рисков». Стабильные отношения с европейскими странами – необходимое условие для выполнения целей в сфере военного строительства и модернизации вооруженных сил к концу 2020-х гг.

В отношениях по линии Турция – НАТО можно выделить две тенденции: некоторое ослабление позиций Анкары в международных военно-полицейских миссиях и активное развитие двусторонних военно-технических связей. В 2023 г. Турецкая Республика добилась успеха в выходе на европейские рынки вооружений. При этом поставки не ограничены пространством Западных Балкан и Юго-Восточной Европы.

Военные контакты Турции с Албанией, Косово и Северной Македонией имеют значительную прагматическую составляющую. Гипотетически возникновение ту-

¹ Военная дипломатия... С. 43, 116.

² Two British frigates to be gifted to Greece. UK Defence Journal. 02.08.2021. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/two-british-frigates-to-be-gifted-to-greece/> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Ergin S. Cumhuriyet'in 100'üncü yılında dış politikanın genel bir muhasebesi. Hürriyet. 26.10.2023. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/cumhuriyetin-100uncu-yilinda-dis-politikanin-genel-bir-muhasebesi-42351509> (дата обращения: 19.01.2024).

рецкого фактора может подтолкнуть к сближению Грецию и Сербию при поддержке Франции, которая развивает военно-технические отношения с обеими странами.

Вопросом, требующим отдельного рассмотрения, выступает участие Анкары в формате МБГ НАТО. Сегодня усиление Турции в Юго-Восточной Европе балансируется ролью Франции и Италии, которые получили функции командующей страны в боевых группах в Румынии и Болгарии. Вероятно, западные страны заинтересованы в ограничении турецких амбиций в Юго-Восточной Европе (и Восточном Средиземноморье) и переориентации Анкары на другие направления.

При этом Турция сохраняет возможности для развития собственных многосторонних военно-дипломатических форматов в Черном море. Возможно, что формат проведения противоминных учений Болгарией, Румынией и Турцией продолжит развитие с подключением других европейских стран или США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айар Б., Арслан О. (2023) Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество. *Вестник международных организаций*. Т. 18. № 3. С. 120–141. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-07

Болдырев А.В. (2020) К вопросу о состоянии турецких ВМС в 1991–2019 гг. *Восточная аналитика*. № 4. С. 105–113. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-105-113

Гудев П.А. (2022) Международное право или битва за права. *Борьба за Восточное Средиземноморье. Интересы и амбиции*. Под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН, Москва. С. 34–66.

Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. (2023) Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы». *Современная Европа*. № 6 (120). С. 96–109.

Соснов Г.И. (2019) Трансформация роли армии в современном турецком обществе и государстве. *Проблемы национальной стратегии*. № 2. С. 52–64.

Щербинский В. (2023) Основные направления строительства и развития сухопутных войск турецкой республики. *Зарубежное военное обозрение*. № 4. С. 38–45.

Шлыков П.В. (2023) Турецкий кульбит. *Россия в глобальной политике*. № 3. С. 142–159.

Яковлева Е.С. (2023) Российско-турецкие отношения в контексте регионального баланса сил. *Восточный курьер*. Вып. 1. С. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310025311-0

Aran A., Kutlay M. (2024) *Turkey's Quest for Strategic Autonomy in an Era of Multipolarity*. IPC Policy Brief. February 2024. 18 p.

Ateşoğlu S. (2024) Military Power and International Security. *Insight Turkey*. Vol. 26. № 1. P. 41–50.

Aybet G. (2012) The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship. *Perceptions*. Vol. XVII. No. 1. P. 19–36.

Güngör U. (2015) *The United Nations Peace Operations and Motivations at the Roots of Turkey's Involvement*. SAM Papers № 11. Center for Strategic Research (SAM). 46 p.

Kaya S. (2023) *La guerre en Ukraine: un nouveau contexte stratégique pour la Turquie? Étude n° 112*. IRSEM. 96 p.

Sabadus A. (2023) Turkey's New Gas Hub Could be a Boon for a Beleaguered Russia. *RUSI*. 06.11. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkeys-new-gas-hub-could-be-boon-beleaguered-russia> (дата обращения: 10.01.2024).

Seufert G. (2021) Germany's New Government and Its Foreign Policy on Turkey: Lines of Conflict and Areas of Cooperation. *SWP*. 25.10. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C55/> (дата обращения: 20.01.2024).

Tetrais B. (2021) Reassurance and Deterrence in the Mediterranean: the Franco-Greek Defense Deal. *Institut Montaigne*. 17.11. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/reassurance-and-deterrence-mediterranean-franco-greek-defense-deal> (дата обращения: 20.01.2024).

Yeşiltaş M., Öztürk B. (2023) *SETA Security Radar. TÜRKİYE'S Geopolitical Landscape in 2024*. Turkuvaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, Turkey. 106 p.

Military-Political Aspects of Turkey's Foreign Policy in South-East Europe

A.A. Pivovarenko

Candidate of Sciences (History), Research Associate, HSE Mediterranean Studies Centre,

Faculty of World Economy and International Affairs

310 Room, 17, Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, Russia, 115184

E-mail: apivovarenko@hse.ru

Abstract. Over the past two years, Turkey has been significantly active in South-East Europe in the field of arms exports, as well as in military-diplomatic and military-technical contacts. These developments require a more careful study of the identified aspects and the degree of their influence on the regional juncture. The issue might be explored in several ways. It can provide additional understanding of the nature of relations between Turkey and NATO, as well as about intra-bloc interactions on the whole. It can be noted that the active development of bilateral ties is balanced by a certain weakening of the Turkish presence through stabilization missions in Bosnia and Kosovo, where the positions of European members of NATO are strengthening. At the same time, Ankara has found an opportunity to develop new multilateral formats, such as the trilateral Mine Countermeasures (MCM) Black Sea task force established in January 2024. Aspects of Turkish military build-up should also be taken into account. It can be assumed that Ankara is interested in stabilizing relations with European actors in the medium term in order to preserve common military-technical formats, which is required to complete the modernization of the Turkish army. To sum up, the examples provided in the article clearly illustrate how the concept of “Turkish strategic autonomy” and “risk hedging” is implemented at a practical level.

Keywords: Turkey, Türkiye, EU, NATO, Greece, Balkans

DOI: 10.31857/S0201708324070131

REFERENCES

Ajar B., Arslan O. (2023) Jevoljucija rossijsko-tureckih otnoshenij: idejnoe sbliženie i pragmatičeskoe sotrudničestvo [The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 18(3), pp. 120–141. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-07. (In Russian).

Aran A., Kutlay M. (2024) Turkey's Quest for Strategic Autonomy in an Era of Multipolarity, *IPC Policy Brief*, February 2024.

- Ateşoğlu S. (2024) Military Power and International Security, *Insight Turkey*, 26(1), pp. 41–50.
- Aybet G. (2012) The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship, *Perceptions*, XVII(1), pp. 19–36.
- Boldyrev A.V. (2020) K voprosu o sostojanii tureckih VMS v 1991–2019 gg. [To the question of the state of the Turkish navy in 1991–2019], *Vostochnaja analitika*, 4, pp. 105–113. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-105-113 (In Russian).
- Grishin J.J., Islamov D.R. (2023) Vneshnjaja politika Turcii v Evrope: faktor «mjagkoj sily» [Turkey's Foreign Policy in Europe: the factor of “soft power”], *Sovremennaja Evropa*, 6(120), pp. 96–109. (In Russian).
- Gudev P.A. (2022) International law or a fight for the right, in Zvyagelskaya I.D. (ed.) *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e. Interesy i ambicii* [Struggle for an Eastern Mediterranean. Interests and ambitions], IMEMO RAN, Moscow, Russia, pp. 34–66. (In Russian).
- Güngör U. (2015) *The United Nations Peace Operations and Motivations at the Roots of Turkey's Involvement*, SAM Papers 11, Center for Strategic Research (SAM).
- Kaya S. (2023) *La guerre en Ukraine: un nouveau contexte stratégique pour la Turquie? Étude* 112, IRSEM.
- Iakovleva E.S. (2023) Rossijsko-tureckie otnoshenija v kontekste regional'nogo balansa sil [Russian-Turkish relations in the context of regional balance of power], *Vostochnyj kur'er*, 1, pp. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310025311-0 (In Russian).
- Sabadus A. (2023) Turkey's New Gas Hub Could be a Boon for a Beleaguered Russia, *RUSI*, 06.11. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkeys-new-gas-hub-could-be-boon-beleaguered-russia> (accessed: 10.01.2024).
- Seufert G. (2021) Germany's New Government and Its Foreign Policy on Turkey: Lines of Conflict and Areas of Cooperation, *SWP*, 25.10. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C55/> (accessed: 20.01.2024).
- Shherbinskij V. (2023) Osnovnye napravlenija stroitel'stva i razvitija suhoputnyh vojsk tureckoj respubliki [Main directions of military development of the land forces of the Turkish republic], *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 4, pp. 38–45. (In Russian).
- Shlykov P.V. (2023) Tureckij kul'bit [Turkish somersault], *Rossija v global'noj politike*, 3, pp. 142–159. (In Russian).
- Sosnov G.I. (2019) Transformacija roli armii v sovremennom tureckom obshhestve i gosudarstve [Transformation of the role of army in contemporary Turkish society and state], *Problemy nacional'noj strategii*, 2, pp. 52–64. (In Russian).
- Tetrais B. (2021) Reassurance and Deterrence in the Mediterranean: the Franco-Greek Defense Deal, *Institut Montaigne*, 17.11. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/reassurance-and-deterrence-mediterranean-franco-greek-defense-deal> (accessed: 20.01.2024).
- Yeşiltaş M., Öztürk B. (2023) *SETA Security Radar. TÜRKİYE'S Geopolitical Landscape in 2024*, Turkuvaaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, Turkey.